
ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Инаковость в психоанализе. Судьба инаковости в фильме Ф. Озона «Двуличный любовник»

Л. В. Захарова

Захарова Лариса Владимировна – магистр психологии (ВШЭ), кандидат Парижского психоаналитического общества (SPP), кандидат Международной психоаналитической ассоциации (IPA), культуролог (МГУКИ)

Данная работа представляет собой психоаналитическое исследование понятия инаковости. Автор отталкивается от теории Рене Руссийона, который рассматривал инаковость в контексте контакта младенца с матерью, связывая ее с процессом символизации. Современные психоаналитики проследили траекторию инаковости от первичной к символической. В работе проведен анализ фильма Франсуа Озона «Двуличный любовник» с точки зрения формирования и представления об инаковости у субъекта. Первичная инаковость в фильме проиллюстрирована феноменом и историей существования близнеца-паразита в теле главной героини, Хлои. Воображаемая инаковость как вариант переходной инаковости также представлена в предложенном для анализа фильме. Автором был описан пример воображаемой инаковости, принятый в культурной традиции, и также там есть несколько примеров, свидетельствующих о расщеплении, образовании бреда и воображаемой реальности, свойственной психозу. Символическая инаковость в фильме терпит провал, так как является следствием неудач на предыдущих этапах развития главной героини. Отказ психотерапевта от символического, то есть от лечения Хлои с помощью одних лишь слов, и его переход к действиям – к сексуальной связи – привели к негативным последствиям.

Ключевые слова: инаковость, нарциссизм, субъект, воображаемое, символическое, воображаемый двойник.

Инаковость в широком значении – это отличие или неодинаковость. Можно утверждать, что инаковость как понятие соответствует разнице. Таким образом, инаковость подразумевает наличие другого. Тема инаковости занимала, занимает и, бесспорно, будет занимать умы многих представителей науки, искусства, культуры, политики.

Однако следует задаться вопросом: каким может быть другой в психоаналитическом смысле? Является он другим объектом в реальности? Или другим объектом в воображении? Или нечто другое как данность, как свидетельство разницы, на которой зиждется психоанализ?

Проблема чрезвычайно обширна, ведь само слово «психоанализ» подразумевает выделение различающихся друг от друга инстанций в психике. И наличие двух топик, двух принципиально отличающихся друг от друга моделей психического аппарата, свидетельствует о том, что инаковость пронизывает психоанализ. Впрочем, цель данной работы – не эпистемологическое исследование инаковости в содержании психоаналитической теории в целом.

Данная работа – об инаковости в психике субъекта. Размышления и собственные наблюдения приводят нас к тому, что инаковость неизбежно связана с нарциссизмом и каким-то образом влияет на него. Например, уже в утробе матери ребенок слышит голос отца по-иному, чем голос матери, позже младенец отличает мать от посторонних людей, и это не может не оказывать влияния на его развитие...

Инаковость и нарциссизм

Инаковость является философским определением природы другого. В таком разделе философии, как феноменология, другие – те, кто идентифицирует человека. Таким образом, другие неодинаковы и противопоставлены субъекту и тому же самому.

Состояние и качество инаковости (характеристики другого) – это состояние, отличное от социальной идентичности человека и идентичности Я. Это понятие предполагает существование «конституирующего другого».

В конце XVIII века Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Гегель, 2018) ввел понятие другого как составной части самосознания («свое иное»). Позже Эдмунд Гуссерль применил концепцию Другого как основу интерсубъективности, психологических отношений между людьми. В «Картезианских размышлениях: Введение в феноменологию» (1931) Гуссерль сказал, что Другой конституируется как alter Ego, «другое Я». Как таковой другой человек ставил и сам представлял собой эпистемологическую проблему – быть только восприятием сознания самого себя.

В книге «Бытие и ничто: Эссе по феноменологической онтологии», написанной в 1943 году, Жан-Поль Сартр (Сартр, 2020) применил диалектику интерсубъективности, чтобы описать, как меняется мир под воздействием появления, как мир начинает казаться ориентированным на другого человека, а не на самого себя. Другой предстает как психологический феномен в ходе жизни человека, а не как радикальная угроза существованию Я. Далее, в книге «Второй пол» (1949) Симона де Бовуар применила

концепцию инаковости к гегелевской диалектике «Господина и раба» и обнаружила, что это похоже на диалектику отношений мужчины и женщины, что, таким образом, является истинным объяснением жестокого обращения с женщинами в обществе.

Жак Лакан связывал Другое с языком и символическим порядком вещей.

Так или иначе понятие инаковости тесно связано с Я, а следовательно, с нарциссизмом – понятием, введенным Зигмундом Фрейдом. По этой причине можно сказать, что данная работа в значительной степени посвящена нарциссизму.

Исторически нарциссизм относится к «объектной» стадии, предшествующей эффективному распознаванию объекта. Это понятие не перестает обсуждаться в психоаналитическом сообществе уже более ста лет.

Фрейд в своих работах неоднократно заявлял о необходимости задуматься об истоках психики. Именно в этом свете возможно рассматривать некоторые из более поздних теоретических позиций, как Фрейда, так и других исследователей.

Среди них можно назвать направление, провозглашающее существование ранних объектных отношений и сформулированное Микаэлом Балинтом в 1968 году (*Balint, 1971*), который противопоставил первичному нарциссизму гипотезу первичной любви, направленной к объекту с самого начала жизни, или разграничение, устанавливаемое между субъектом и его окружением

Такой подход к первичному нарциссизму также совпадает с недавними открытиями в нейробиологии и психологии развития, исходя из которых сегодня уже невозможно рассматривать субъект ни как «отрезанный», ни как «спутанный» со своим окружением даже на ранней стадии. Напротив, многие исследования подчеркивают наличие с рождения разделения эмоциональных состояний между новорожденным и окружающими, а также способность различать то, что исходит от него самого или от другого субъекта. Например, ребенок очень рано развивает неявное знание тела как дифференцированной сущности, что Филипп Роша называет «экологическим чувством себя» (*Rochat, 2003*). Демонстрация этих ранних способностей привела к сомнению в отношении первичного нарциссизма, рассматриваемого как примитивная стадия развития, в которой субъект не может воспринимать различие между собой и своим окружением. Эти соображения относятся к теоретическому тупику первичного нарциссизма, последовательно определяемого Фрейдом как автаркическое состояние, независимое от объекта (1911), а затем как объектное состояние, характеризующееся примитивным неразличением субъекта/объекта. Такое описание есть в работе 1920 года «По ту сторону принципа удовольствия» (Фрейд, 2007, с. 277). «В ходе дальнейших более тщательных психоаналитических наблюдений обратило на себя внимание то обстоятельство, что очень часто либидо отводится от объекта и направляется на Я (интроверсия); а, изучая развитие либидо у ребенка на самых ранних стадиях, психоаналитики пришли к выводу, что Я представляет собой

истинный и изначальный резервуар либидо, которое из него затем распространяется на объект. Я было причислено к сексуальным объектам и сразу же было признано самым важным из них».

Подвергнув сомнению безобъектный статус первичного нарциссизма, новое исследование недавно позволило более точно переосмыслить его метапсихологическое значение, заметно пересмотрев роль объекта в его построении. Этот сдвиг в теории также позволяет пролить новый свет на построение субъективной идентичности, а также на отношения, которые она поддерживает на каждой стадии своего развития, с учетом проблематики инаковости и двойственности.

В течение долгих лет о первичном нарциссизме шли непрекращающиеся дебаты. По словам Рене Руссийона (*Roussillon, 2007*), элементы нынешней дискуссии о первичном нарциссизме позволяют идентифицировать две разные позиции без антагонизма. Первая проиллюстрирована в работах Бернара Гольса (*Golse, 2010*), который исходил из предположения, что состояния сознания ребенка не являются непрерывными. Психическая деятельность, и, в частности, то, что касается состояний сознания младенца, происходит от случая к случаю; узнавание, или дифференцированное восприятие объекта, таким образом, будет чередоваться с моментами неузнавания и/или безразличия, связанными, например, с определенными проявлениями инстинктивной жизни. Таким образом, Бернар Гольс понимает конструкцию интерсубъективности в диалектической связи «между моментами первичной интерсубъективности, реально возможными с самого начала, но мимолетными, и вероятными моментами безразличия».

Согласно Рене Руссийону, эта позиция относится к вопросу о том, надо ли продолжать думать о ребенке в смысле целостной единицы, что, по видимому, предполагает теория объектного нарциссизма, или, наоборот, в смысле субъективной затуманенности, которая объединится вторично, исходя из уровня созревания.

Отходя от концепции субъекта, который с самого начала существовал бы в стабильной и устойчивой форме, эта позиция позволяет усложнить то, что подразумевается под первичным нарциссизмом, и пересмотреть роль объекта в его становлении, присоединившись к формуле Дональда Винникотта, что «не бывает одного лишь ребенка». Эта точка зрения также относится к эпистемологическим дебатам между сторонниками прямого наблюдения за младенцами на основе наблюдения за ранними взаимодействиями и теми, кто, напротив, отстаивает перспективу реконструкции психической жизни и субъективной жизни из клиники.

Вторая позиция, разработанная Рене Руссийоном, учитывает необходимость влиять на концепции из того, что мы слышим, когда «кто-то заявляет, что ребенок "узнает" или что он не "признает" существование другого». Если ребенок способен воспринимать мир объектов и «распознавать» определенные формы различий, это восприятие зависит в то же время от определенного представления о другом или его отличии, соответствующего его уровню развития.

Поэтому вопрос для автора состоит уже не в том, чтобы ребенок признавал или не признавал существование матери, а скорее в том, как обозначается воспринимаемое различие и какие отношения он может установить.

Таким образом, представление о примитивной психической активности ребенка, колеблющейся между дифференцированным восприятием объекта и незнанием объекта, должно быть в состоянии диалектики со второй позицией, которая ставит под сомнение уровень узнавания объекта. Например, ребенок может воспринимать и различать определенные стимулы, исходящие от объекта, и сравнивать их с собственными движениями, не будучи в состоянии представить и распознать объект во внешнем виде, как объект, наделенный собственными намерениями и желаниями, другой субъект (*Roussillon, 2007*).

Эти элементы приводят нас к пониманию возникновения первичного нарциссизма из двух категорий процессов, или двух психических потоков, априори антагонистических, но которые взаимно конструируются во время развития.

Первая категория объединяет процессы, предназначенные для поддержания внутренней непрерывности в соответствии с принципом идентичности восприятия. Этот первый поток, который имеет смысл квалифицировать как «нарциссический», поскольку он стремится к регистрации самого себя и идентичности с самим собой, вызывает идею анимического двойника, предложенную Сезаром и Сарой Ботелла. Согласно их определению, анимический двойник – это состояние психики, которое улавливает мир только тем, чем он является сам по себе, а мир является лишь зеркалом, в котором он отражается посредством проекции (*C. et S. Botella, 2001*). Расположенный наиболее близко к полюсу восприятия, анимический двойник представляет собой основной способ мышления, в котором преобладают перцептивное и галлюцинаторное, при котором восприятие и моторные навыки смешиваются. Задуманный таким образом двойниковый анимизм игнорирует инаковость и будет в основном заключаться в создании одного и того же там, где субъект встречается с другим.

Однако, хотя инаковость игнорируется нарциссизмом, объект не «отсутствует», а инвестируется как расширение самого себя. Эти инвестиции поддерживают то, что можно назвать «отношениями идентичности», которые работают для поддержания состояния примитивного неразличения с окружающей средой. Таким образом, этот способ непрерывного инвестирования двойниковости будет играть фундаментальную роль в установлении психической непрерывности, способствуя, в частности, установлению первичной нарциссической иллюзии.

Но субъективность не может быть сконструирована исключительно в регистре самоидентификации, она не может быть установлена исключительно в формах того же самого или в инвестировании другого как себя самого. Вот почему в то же время из инвестирования непрерывного двойникового объекта и из работ, упомянутых ранее, можно определить, что зарождающаяся субъективность немедленно сталкивается с формой

первичной инаковости, хотя это еще не было признано «субъективно» в измерении внешнего, различие между внутренним и снаружи, еще не будучи символически обозначенным на этой стадии.

Не претендуя на временную последовательность, имеет смысл выделить вторую категорию процессов, на этот раз обращенных к объекту и определяющих в рамках первичного нарциссизма «объектный» поток с дифференцирующей целью, который потенциально предполагает распознавание первичной формы инаковости. Основываясь на психической подвижности и на ранней способности различать первичную инаковость, движение в сторону объекта позволит прогрессивно конструировать инаковость, признанную как таковую, то есть внешнюю и независимую от субъекта, и будет двигаться к точке, где субъект встречается с самим собой.

На раннем этапе развития движение в сторону объекта особенно проявляется в моменты открытости в отношениях или даже в моменты эстетического и эмоционального общения, которые поддерживают прогрессивное построение объекта, отличного от себя, от первичной гомосексуальной динамики «в двойнике». Это означает, что эти инвестиции в объекты могут действительно развиваться только в том случае, если субъект, кроме того, достаточно уверен в непрерывности. Когда нарциссическое движение не успевает утвердиться в достаточной степени, когда первичный анимизм недостаточно поддерживается и подтверждается объектом на ранних стадиях преждевременного отношения к окружающей среде, субъект оказывается перед встречей с открытиями, а не с анимической непрерывностью, с разрывом первичной связи с объектом и с изъятием его нарциссической организации. Неспособность ассимилироваться с Я, инаковость, «обнаруженная слишком рано», навязывается психике и вторгается в субъективность: субъект встречает другого там, где он не может конституировать его как то же самое. И наоборот, достаточно хорошо установившееся нарциссическое движение сделает возможным, благодаря уверенности в нарциссической непрерывности с объектом, движение к объекту и, тем же самым образом, будет способствовать одновременному инвестированию двойника, такого же и отличного от себя, двойника «переходного», который будет сопровождать субъекта в его встрече с инаковостью.

В области нейробиологии эта гипотеза согласуется с гипотезой о «системе другого», «существенно отличной от себя самого», которая будет регулировать биологическую и врожденную тенденцию производить то же самое, иначе известную как «система того же самого». Эта система того же самого, или другого как Я, позволила бы установить «представление другого, идентичного себе, через общие репрезентации» (Georgieff, 2007).

Согласно Н. Георгиеффу, это различие системы того же самого и системы другого основана на различии двух уровней инаковости: «воображаемой» инаковости, в которой инаковость проявляется как зеркальная форма, «отождествляемая с Я», и «радикальной инаковости, чуждой Я». Гипотеза о «регуливании» системы себя системой другого

предполагает, кроме того, существование промежуточных градиентов между этими двумя полюсами. Например, можно вообразить между этими двумя системами формы слияния, в которых одно и то же и другое не устанавливают себя в парадоксальном противопоставлении, а, напротив, находят форму, в которой один гармонизирует. Эта гармонизация не отменяет различия между тем же самым и другим, но связывает эти два регистра в парадоксальной взаимосвязи: «не антагонист», который поддерживает субъекта в его встрече с инаковостью...

Первичная инаковость

Описание первичного нарциссизма, характеризуемого двумя антагонистическими течениями, привело психоаналитиков к выводу о существовании некоей первичной инаковости. Первичная инаковость относится к способности младенца очень рано отличать свои действия от действий других, демонстрации врожденного осознания субъективных состояний других людей или даже раннего конструирования «экологического самоощущения».

Гипотеза о первичной инаковости позволяет теоретически задуматься о дальнейшем построении инаковости, которая может быть постепенно признана как таковая также и в символическом смысле.

Таким образом, первичная инаковость составляла бы матричную форму инобытия, точно так же как анимический двойник по отношению к другим формам двойника. Но сосуществование идентичности или инаковости самому себе также побуждает нас рассматривать, в период зарождения субъективности, два течения первичного нарциссизма как независимые движения, еще не объединенные в том, что произойдет вторично в форме, объединенной с воображаемой инаковостью.

Добавим, что эта ранняя форма инаковости устанавливает первичный разрыв идентичности, то есть потенциальное напряжение между переживаниями непрерывности идентичности и переживаниями отсутствия идентичности по отношению к самому себе.

Первичная инаковость привносит идею дифференциации в субъективную систему, в которой царит идентичность восприятия. Чтобы сформулировать этот парадокс, лионский психотерапевт Иоган Юнг (*Jung, 2015*) выдвигает гипотезу о том, что на уровне субъективной организации идентичность и инаковость «и противоположны, и не противоположны»; инаковость является неотъемлемой частью идентичности, привнося в нее первое отличие, лежащее в основе ее становления.

Эта перспектива напоминает точку зрения на первичное вытеснение, составляющее бессознательное, или, точнее, на то, что будет происходить постепенно в форме первого различия между аффективным следом и его первым выражением в субъективной форме.

Таким образом, подобно субъективной идентичности, «еще не объединенной» отношением к «найденному и созданному двойниковому

объекту», первичная инаковость может рассматриваться как фрагментарная и частичная инаковость, поверхностная инаковость, все еще не осознаваемая в своих дифференцирующих эффектах.

С целью подчеркнуть актуальность заявленной тематики среди множества примеров для детального разбора в качестве основы эмпирической части данной работы представлен наиболее современный источник, связанный с темой инаковости.

Таким источником стал фильм 2017 года, переведенный в российском прокате как «Двуличный любовник», а точнее будет назвать – «Любовник-двойник» режиссера Франсуа Озона.

Немаловажным можно считать тот факт, что фильм основан на романе американской писательницы Джойс Кэрол Оутс, написанном ею под псевдонимом Розамунд Смит. Будучи чрезвычайно плодовитым автором, она пользовалась популярностью начиная с 1960-х годов, известна также как драматург и поэтесса. Три романа Оутс были номинированы на Пулитцеровскую премию. Роман, о котором пойдет речь, носит название «Жизнь близнецов» (*Smith, 1987*).

Роман повествует о Молли Маркс, которая обращается к психиатру Джонатану в связи с невозможностью «связать свою жизнь воедино». Она посещает множество всевозможных курсов по различным дисциплинам, но ни в чем не может преуспеть. Ей быстро становится скучно, она ни на чем не может сосредоточиться. Несколько месяцев ходит к психиатру и наконец начинает рассказывать о своей матери.

Повествование Молли о смерти матери вскрывает тему двойниковости в романе. В разговоре с психиатром Молли с горечью рассказывает, что с матерью умерла как будто часть ее самой. А именно та часть, которую ее мать в ней любила. И тогда Молли стала мечтать о близнеце. По ее представлениям близнец – тот, кто мог бы ее защитить. «Я всегда думала, что близнецы, должно быть, очень счастливы зная, что они продублированы в этом мире» (*Smith, 1987, p. 40*). Молли считает, что ее мать и после смерти осведомлена о ней, несчастлива, наблюдая за ней, но «не может ничего сказать, стоит и грустно смотрит».

Именно после этого разговора Молли утверждает, что излечилась. На что Джонатан ответил, что и не считал, что с ней что-то сильно не так. Позже в романе появляется близнец Джонатана, Джеймс. И Джонатан подтверждает его существование в реальности, как и то, что отношения между ними конфликтны. Джеймс – тоже психиатр. В романе он, как и Джонатан, переходит от лечения к сексуальной связи за деньги, предлагая Молли из пациентки стать клиенткой.

Присутствие в жизни Молли двух мужчин-близнецов как будто является подтверждением невозможности для нее сфокусироваться на объекте, создать целостный «достаточно хороший» объект. Это своего рода выражение навязчивого повторения. Заканчивается роман полным непониманием главной героиней, кто есть кто в ее жизни, как будто это отражение отсутствия связности происходящего с ней.

Тема двойника и близнецов в фильме значительно расширена по сравнению с романом. В фильме подробно представлен внутренний мир героини.

Далее будут рассмотрены идеи, представленные зрителю в фильме, через призму их связи с теорией инаковости.

Фильм повествует о молодой женщине Хлое, бывшей модели, которой врач-гинеколог порекомендовала обратиться к психиатру по причине необъяснимых болей в животе. Психиатр, которого ей рекомендовали, работал в клинике, а также и в частном кабинете как психоаналитический психотерапевт. Прошло несколько сеансов с Хлоей, и очень скоро молодой психотерапевт признался пациентке в своих романтических чувствах. Психотерапия оборвалась, и они стали жить вместе как пара.

Одновременно с таким реальными изменениями в жизни главной героини зритель видит и странные события, в которых реальность смешивается с фантазиями и, как позже выясняется, даже онейроидом Хлои.

В своих фантазиях она встречает близнеца – «двойника» психиатра Поля, Луи. С тех пор она стала посещать сеансы Луи, который тоже является психотерапевтом, и эти сеансы становятся встречами для необузданных и извращенных сексуальных отношений. Далее перед зрителями в виде еще одной болезненной фантазии Хлои предстает история соблазнения и изнасилования Полем и Луи некоей Сандры, ставшей впоследствии тяжелым инвалидом...

Режиссер этой сюжетной линией демонстрирует нам отсутствие различия между внешней и внутренней реальностью Хлои. Зритель постепенно обнаруживает бред главной героини... Хлое кажется, что она забеременела и что из ее живота прорывается некто. Боли в животе возобновляются с огромной силой, и в результате срочной операции (прошедшей в реальности) становится известно, что в ее животе начиная с внутриутробного периода находился близнец-паразит в виде пятнадцатисантиметровой кисты.

В больницу после операции приезжают Поль и мать Хлои. Мать признается, что, когда забеременела, не хотела рожать Хлою, что Хлоя не была желанным ребенком. Однако после операции мать обещает быть рядом. Хлоя с Полем возвращаются домой.

Фильм заканчивается сексуальной сценой Поля и Хлои, где зритель видит отрешенность женщины от происходящего (она галлюцинирует образ Сандры за стеклом) и оргазм Хлои в тот момент, когда разламывается, нарушается граница между ней и ее двойником.

Первичная инаковость – это реальный другой, а также это идентичность относительно самого себя.

Что же в фильме могло бы проиллюстрировать наши теоретические предположения?

Начать анализ можно с профессиональной идентичности Хлои. Она работала моделью, но бросила эту работу, став смотрительницей в музее. И это не переход, это разрыв профессиональной идентичности. От той, на которую смотрит, она стала той, которая смотрит, причем смотрит на неживые предметы искусства... Это работа скорее для пожилых дам, мало подвижная и малосодержательная.

Дальше, опираясь на фильм, можно развить эту идею взаимодействия с чем-то неживым. В контексте фильма другой, то есть представитель

первичной инаковости, – это сестра-близнец Хлои, которая перестала развиваться в утробе матери. И этот другой мертв, это уже давно не человек, а киста.

Чрезвычайно любопытным в контексте темы реального близнеца также является и тот факт, что в фильме использовались несколько песен в исполнении Элвиса Пресли. Как известно из биографических источников, у Пресли был близнец, который умер сразу после рождения. И эта история достаточно широко изучена как биографами, так и психологами. Вот что пишет по этому поводу журнал «Психотерапия» за 2007 год (Дюсметова, 2007, *Guralnick*, 1994):

«Наблюдения за подростками и взрослыми, потерявшими в раннем детстве своих братьев или сестер близнецов, показали, что некоторые из них имели такие же проблемы, как Элвис Пресли. Именно поэтому эти симптомы были названы нами «"комплексом Элвиса Пресли"».

Итак, для комплекса Элвиса Пресли, или синдрома потери близнецом своей пары в раннем детстве, характерны следующие особенности:

- наличие минимальных мозговых дисфункций (чаще всего это остаточные явления тяжелой беременности и родов;
- тревожно-мнительный тип воспитания в семье;
- высокая степень эмоциональной зависимости от матери;
- нарушение самоидентичности, когда оставшийся в живых близнец продолжает ощущать себя единым целым с умершим братом или сестрой, остро переживая потерю своей «половины», особенно в детском и подростковом возрасте;
- инфантильность, изменение восприятия своего возраста (пациент ощущает себя более младшим по возрасту);
- навязчивые страхи, высокая тревожность, напряжение в теле;
- тоскливое настроение, сопровождающееся болями в различных частях тела и чувством подавленности, одиночества, вины;
- нарушения сна в виде бессонницы, кошмарных снов или сноговорения;
- галлюцинативные переживания (зрительные, аудиальные, тактильные);
- суицидальная готовность;
- психотравмы помимо потери близнеца.

Можно предполагать, что в подобных случаях гибели близнеца во внутриутробном периоде или в раннем возрасте имеет место общий депрессивный фон. Этот фон связан с тем, что утрата происходит без репрезентации. В анализируемом нами фильме это особенно отчетливо видно, так как Хлоя не знала о существовании близнеца в реальности, пока не была прооперирована.

Также интересно, что при болях ей ни разу не было сделано ультразвуковое исследование. Хлоя говорила, что боль присутствовала всегда, но ни мать, ни бабушка с дедушкой, которые ее воспитывали, не предпринимали никаких действий. Из этого можно сделать вывод о том, какого

качества были объекты этой молодой особы, игнорировавшие ее жалобы. Можно предполагать, что это были психически мертвые объекты, идентифицироваться с которыми было опасно.

Особое место в фильме занимает образ матери Хлои, которую сыграла французская актриса Жаклин Биссет. Это чрезвычайно многогранный образ. О матери речь заходит в ходе сеансов психотерапии с Полем. Мать предстает как безразличная и отстраненная, не желающая инвестировать дочь. Это говорит главная героиня в начале фильма и подтверждает ее мать в конце. Вот что рассказывает Хлоя:

«...В семь лет я узнала, что родилась случайно. Моя мать переспала с мужчиной и совершенно забыла его. Она не сможет его узнать. Может быть, он плохо с ней обошелся или заплатил ей как проститутке. Меня растили бабушка с бабушкой, маме было не до меня. Она была очень красивая, свободная, умная, но в наших отношениях не было тепла. Когда я представляю себе ее похороны, то мне грустно. А в ее гробу я вижу себя мертвую. Мы с ней не видимся, но мне кажется, что ей известны все мои мысли. Мне кажется, что она смотрит на меня строго с осуждением. Она не любит меня, и мне больно.

– Больно где?

– ...В животе...»

Мы можем предположить, что особенности психики главной героини были заложены уже на начальном этапе ее развития, на уровне формирования привязанности. Согласно Винникотту, качество и разнообразные аспекты первичного ухода чрезвычайно важны. Рассматривая понятие холдинга, можно предположить, что у матери было недостаточно телесного контакта с дочерью, а также недостаточно даже первичного ухода, включающего в себя и внимательное отношение матери к младенцу, и элементарные обследования в рамках диспансеризации, которые могли бы выявить отклонения в физическом состоянии Хлои, которые были так тесно сплетены с психическими нарушениями и так драматически определили ее последующую жизнь.

Что касается «представления объекта», «фантазирования объекта», того, как мать представляет в своих отношениях с новорожденным различные объекты внешнего мира, неодушевленные объекты и «других субъектов», например отца, здесь несложно представить себе ту ненависть, о которой упомянула мать Хлои в конце фильма и влияние этой ненависти на развитие дочери. Таким образом, сюжет фильма, как и работы самого Винникотта, во многом подтверждают эту позицию.

Винникотт предложил термин «достаточно хорошая мать», чтобы описать адекватное удовлетворение потребностей матери ребенка. Достаточно хорошая мать не является «идеальной» матерью, это мать, которая заботится, чтобы отразить различные потребности ребенка, различные уровни потребностей, которые могут быть приняты во внимание.

Еще одна особенность «достаточно хорошей» матери заключается в том, что ребенок имеет достаточно «эмоциональную последовательность». Таким образом, он достаточно «предсказуем», достаточно гармоничен в

своих жестах; но он также «в зоне доступа», «достижим» и «трансформируем». Адекватность между матерью и ребенком не очень проста и не дается с самого начала, работа взаимной корректировки часто бывает совершенно необходима. Более 60 процентов наблюдаемых взаимодействий матери и ребенка являются «реципроктными». Важно, чтобы ребенок мог чувствовать работу адаптации своей матери: это дает ему «чувство» бытия в мире, и тогда он может принимать во внимание свои особенности, которые он способен трансформировать в соответствии со своими потребностями и на которые может воздействовать и влиять. Невозможность «преобразовать» свою мать, то есть отсутствие материнской перестройки, пугает ребенка, вызывает ощущения беды и радикальной беспомощности. В результате таких ощущений младенцу начинает казаться, что он никак не может воздействовать на мир, что он бессилен его преобразить и должен подчиниться ему, уйти или дезинвестировать его... В итоге Хлоя действительно начинает дезинвестировать реальность и создавать свою, неореальность, по психотическому типу.

Режин Прат (*Prat, 2014*), рассматривая особенности контакта матери и младенца, в частности, описывает «психический конверт», или контур. Если ребенок не находит этот контур, ему приходится бороться самостоятельно, судорожно ища объект – свет, голос, запах или любой другой чувственный объект, – который может удерживать внимание и таким образом восприниматься, по крайней мере на мгновение, как удерживающий части личности вместе. С помощью этих зацепок он создаст то, что можно определить как вторую кожу, вынужденную и патологическую конструкцию, первую систему защиты от основных опасений распада и разрушения.

Таким образом, тонкая и хрупкая, даже непоследовательная оболочка личности будет повреждена изнутри проекциями ребенка на другого: тогда психический механизм представляет собой интенсивную проективную идентификацию. Прат считает актуальным и революционным исходящий из такого наблюдения вывод об обратной корреляции между необходимостью использовать проективную идентификацию и материнской способностью к настройке.

Это, безусловно, бросает вызов самому понятию нормальной проективной идентификации. Проективная идентификация в данном случае будет свидетельствовать о неудаче материнской настройки.

Плодом такой проекции (согласно Прат), и неореальности (по Винникотту), и стала Сандра – нерожденный близнец, уродливый «двойник». Сам факт того, что Хлоя дала имя своему близнецу, отрицает факт ее нерождения. Ведь нерожденным детям не дают имя. Как будто происходит колоссальная гиперинвестиция умершего близнеца как попытка скомпенсировать провал зеркальной функции матери. Также в неореальность и в проекцию попадает и мать Сандры, «двойник» матери главной героини.

Став взрослой, Хлоя как будто уже сама стала препятствовать появлению репрезентаций, которые могли бы в чуть большей степени соотноситься с реальностью. Несмотря на то что в начале сюжета гинеколог,

проявив внимание, все же заводила речь о медицинском обследовании, она проигнорировала эту перспективу. Эта здравая перспектива словно осталась за рамками возможного. И тогда встает вопрос: чем будет заполнено пространство нереализованной перспективы?

Неразличимость, слияние как будто было бессознательно поддержано главной героиней. Здесь показано, какой могла бы быть, но не стала судьба первичной инаковости, тесно связанной с первичным нарциссизмом. («...При разработке второй топки Фрейд склонялся к мысли, что первичный нарциссизм – это первый этап жизни, предшествующий возникновению Я и строящийся по образцу внутриутробной жизни...»).

И дальше неразличимость и слияние приведут к болезненным состояниям спутанности и смешения. По словам Василиса Капсамбелиса (Капсамбелис 2013), «Я вынуждено прибегать к механизму отрицания, что на первый взгляд наводит на предположение, что оно отрицает желание объекта, направленное на себя ("реальность"). Такое же случается тогда, когда Я находится в затруднении или невозможности себя конституировать (и, следовательно, репрезентировать) как объект инвестиции. Так как должно встретиться с желанием другого и принять аспекты собственных влечений».

Воображаемая инаковость

Различие между первичной инаковостью и воображаемой (или мнимой) инаковостью возникает в результате встречи с «найденным и созданным двойниковым объектом» и соответствует первому моменту гармонизации между нарциссическими инвестициями и объектными инвестициями. Соответственно, воображаемая инаковость начинается с создания воображаемого пространства, позволяющего субъекту объединиться и ухватить себя через другого, чтобы испытать первичную нарциссическую иллюзию. Следовательно, воображаемая инаковость представлена как инаковость, отождествляемая с Я (Georgieff, 2007), тесно связанная с процессами инкорпорации, происходящая от инвестиций в «найденного и созданного двойника». Таким образом, воображаемая инаковость участвует в конституировании первичного нарциссизма.

Но клиника нарциссических проблем и проблем идентичности показывает, что эта форма инаковости также может быть источником отчуждения для первичного Я, в частности, когда психические потребности ребенка не принимаются во внимание и не могут быть удовлетворены. Или, в общих чертах, когда реакции первичного объекта не соответствуют психическим состояниям ребенка.

Мы можем сказать, что этот тип реакции препятствует установлению первичной нарциссической иллюзии, затем субъект встречает другого там, где он должен был столкнуться с самим собой, то есть реакции объекта не совпадают с психическими движениями субъекта, они не однородны с примитивным Я: тогда тень объекта падает на Я.

За этим следует создание зоны субъективного отчуждения, смешения идентичностей, в результате включения в нее части объекта, неадекватной примитивному Я, части Я, «плохо отраженной» объектом.

«Негативная иллюзия самого себя» (Roussillon, 2007), то есть иллюзия того, что источник плохого находится в самом себе, как следствие неудовлетворенности первичной потребности быть «хорошо» отраженным объектом, тогда рискует утвердиться на месте первичной нарциссической иллюзии, благоприятствуя установлению нарциссических защит, организованных вокруг расщепления.

Прежде чем разбирать пример воображаемой инаковости в фильме Озона, имеет смысл взять более широкий фокус и рассмотреть примеры воображаемой инаковости, которые могли бы быть гармонично вписаны в культуру. Таким примером для нас может стать феномен иночества. В нашей культуре слово «иной» близко религиозным понятиям «инок», «иночество». В современной православной традиции инок – еще не монах в традиционном смысле слова. Инок – это человек, который решил стать монахом. Монашество для него – иная форма бытия и служения, вне мирской жизни. Инок – человек, еще не принявший постриг, но стремящийся к нему и пытающийся уйти из мира светского в мир духовно-религиозный, с другой системой координат в оценке духовно-нравственных смыслов. Инок – по сути уже не мирской, но и еще не монашествующий. Он только на пути к своей цели. У него есть возможность вернуться в мирское пространство, пока не осуществлен постриг и не дано новое имя. Но и в такой трактовке инок воспринимается как некая антитеза обычным нормам бытия. Далее в данном контексте инаковость, чуждость и другость будут рассматриваться как синонимы. Это не случайная ремарка, так как в концепциях различных исследователей эти понятия стихийно разводятся. Так, у К. Юнга «чужой» – враждебная антитеза «своему», начиная с древнейших архетипов, а у М. Бахтина иной – это другой, который не отторгается как чуждый, а притягивается, так как становится интересным в силу своей инаковости. Думается, что данные понятия могут быть разведены и их специфичность аргументирована, но здесь это не является принципиальным (Оганов и др., 2014). Данный пример демонстрирует гармоничное вплетение воображаемой инаковости в культуру, тогда как в фильме это явление представляется болезненным и патологическим. В целом фильм изобилует примерами воображаемой инаковости.

Мы предпочли начать эмпирическое исследование воображаемой инаковости в фильме с размышлений о его режиссере, Франсуа Озоне. Что же можно разглядеть, сфокусировавшись на его личности и попытавшись связать факты его жизни с сюжетом фильма?

Вполне возможно, что в этом фильме наиболее значимую роль играет инаковость самого режиссера. По сути, в фильме «Любовник-двойник» Озон демонстрирует внутренний мир женщины. Эта воображаемая инаковость становится темой и других его фильмов. Среди таковых можно назвать, например, «Восемь женщин», где и название указывает на

обилие женского, и содержание посвящено внутреннему миру женщин. Также имеет смысл упомянуть фильмы «Ангел», «Бассейн», тоже повествующие о женщинах, их судьбах и переживаниях.

В «Любовнике-двойнике» также воссоздан внутренний мир героини, остальные персонажи – либо плоды ее бреда, либо посторонние люди, присутствующие как будто снаружи.

Воображаемая инаковость при существовании препятствий и искажений при прохождении этой стадии может дать толчок к расщеплению, отчуждению от самого себя в случаях, когда психические потребности ребенка не учтены, проигнорированы и не удовлетворены.

Возможно, по этой причине внутренний мир Хлои, который приоткрыл нам Озон, чрезвычайно болезненен, как в прямом смысле (боли в животе, о которых шла речь ранее, которые привели ее к гинекологу), так и в символическом (психическая боль, которая привела ее к психиатру)...

В сюжете фильма воображаемая инаковость начинается с появления Луи, брата-близнеца психиатра – плода онейроида Хлои. В ее фантазиях он жесток и первертен, хотя при этом режиссер показывает первертность и лживость самой Хлои: она говорит Полю, что ходит к женщине-психоаналитику, вместо этого на самом деле фантазируя о мужчине-садисте. Можно предположить, что речь и идет на самом деле о садистической матери самой Хлои, которая, вероятно, вела себя парадоксально: растила и при этом одновременно отвергала ее, заявляя о своей нелюбви.

Также в бредовой реальности существует и воображаемый двойник героини. Это Сандра, жертва злоупотребления Поля и Луи. Как будто сознательно Хлоя не может принять факт злоупотребления Поля ею, и только лишь бред и создание «двойниковой» реальности может дать ей возможность пережить весь ужас происходящего. В пользу такой гипотезы нам ясно указывает то, что Сандру играет та же самая актриса, что и Хлою. Как будто тем самым режиссер недвусмысленно указывает на расщепление в психике главной героини.

Как известно, расщепление является примером примитивной защиты и указывает на нечто психотическое. Интересно, на наш взгляд, о таком расщеплении и отказе от собственного Я пишет А. В. Россохин (Россохин, 2021), приводя пример знаменитого пациента Фрейда Сергея Панкеева.

«... Не кроется ли отказ Сергея Панкеева от поиска собственной идентичности в пользу бытия в качестве знаменитого пациента Фрейда, Человека-Волка, в его инфантильном желании быть проглоченным Няней-Волком и тем самым слиться с другими людьми-волками и больше не бояться жить с ними? Мог ли пациент Фрейда трансферентно побудить его проиграть эту архаико-инфантильную историю с няней в психоаналитическом процессе, чтобы уже навсегда обрести статус Человека-Волка, которого он так боялся и одновременно которым так страстно желал стать в детстве...»

Если провести параллель с фильмом, то можно предположить, что Хлоя отказалась от собственной идентичности для того, чтобы стать Сандрой.

И это тоже наглядно представлено нам в финале фильма, когда в момент оргазма Хлои появляется Сандра и как бы сливается с главной героиней, ломая границу между ними.

Чрезвычайно любопытен в контексте бредового образования Хлои и тот факт, что она сама дала имя Сандра как воображаемой девушке, так позже и реальной умершей сестре-близнецу, как если бы была ее матерью... Как много смешения, слияния, путаницы для одной женщины!

А ведь при продолжении психотерапевтической работы, которую режиссер продемонстрировал в начале фильма, если бы терапевт нашел в себе силы проанализировать свой эротический перенос, воображаемая реальность могла бы быть оформлена в слова, проявиться в переносе и быть психизирована. И тогда множественные двойники нашли бы свои места и смыслы.

Через психическую проработку, в противовес выплеску сексуальных импульсов, было бы возможно и рождение субъективности. Лакан, например, считал стадию зеркала основополагающим моментом развития. Идентификация себя в зеркале поддерживает создание первого наброска себя, посредством которого субъект может переживать себя в единой форме. Таким образом, обеспечивая ментальное постоянство Я, опыт зеркала устанавливает новые отношения с уже воображаемым Я, которое «объективно» или отчуждает идентичность от этого образа и от образа подобного.

Точка зрения Винникотта (Винникотт, 2002) отличается тем, что для него зеркало – это прежде всего живое зеркало, для которого характерна отражающая функция лица матери. Когда младенец смотрит на мать, он видит в целом, является самим собой, при условии, добавляет он, что то, что выражает его лицо, находится в прямой зависимости от того, что она видит. В этих первичных отношениях есть своего рода совпадение между нарциссическими и объектными инвестициями, то есть ребенок переживает себя через другого, а объект инвестируется как двойник самого себя. Объект, облеченный в свою зеркальную функцию, должен иметь здесь задачу артикуляции категорий того же самого и другого, или, говоря другими словами, гармонизировать нарциссические и объектные инвестиции. Таким образом, вклад Винникотта позволяет думать об использовании «двойникового объекта – зеркала самого себя» как о выходе из парадокса первичного нарциссизма, пересекемого двумя противоположными течениями.

Все это было бы возможно при продолжении психоаналитической работы. Краткую выдержку из описания успешной работы с такого рода пациенткой приводит в своей статье Ж. В. Зуева: «... появление и проработка зеркального переноса дали возможность не только появления меня как объекта переноса, но наша работа стала приобретать другой смысл. Очень постепенно, переживая психические агонии, она стала учиться думать и понимать себя...» (Зуева, 2009).

Вместо этого психотерапевт принял решение прервать работу с пациенткой и предложил ей начать жить с ним. Именно это подкрепило дальнейшую невозможность отдельности, состояние недифференцированности и тревоги.

Символическая инаковость

Наконец, в своей двойниковой траектории субъективная идентичность конструируется во время перехода ко вторичному нарциссизму. Субъективная идентичность формируется именно из третьего уровня инаковости, соответствующего открытию отзеркаливающей функции объекта и созданию внутреннего психического зеркала, независимого от внешнего объекта. Речь идет о символической инаковости.

Символическая инаковость – это инаковость, порождаемая активностью символизации, тесно связанная с процессом интроекции (Руссийон, 1999). В этой связи было бы важным уточнить, что такое символизация.

«В целом мы можем определить символизацию как операцию, с помощью которой для кого-то одно будет представлять собой другое. Таким образом, если символизация может проявляться как замещение одного объекта другим, прежде всего она является результатом процесса, который предполагает наличие способности создавать репрезентации отсутствующего объекта, когда субъект способен понять, что символ не является объектом, который он символизирует» (Жибо, 2020, с. 30).

Можно сказать, что символическая инаковость предполагает, в отличие от воображаемой инаковости, признание субъектом независимой и чуждой инаковости, а также доступ к репрезентации отсутствия, другими словами, отказ от «представления всего». Именно этот предел позволяет субъекту представлять себе то, что он себе не представляет, представлять себе, что часть объекта и (или) его самого ускользает от него (Там же).

С этого момента символическая инаковость представляется Я как инаковость, опосредованная репрезентацией отсутствия, субъект может размышлять о себе, отражать свою инаковость и инаковость объекта, в то же время и отталкивать, благодаря своему внутреннему зеркалу, непредставимую инаковость.

Таким образом, символическая инаковость позволяет субъекту структурировать себя в символическом «отношении к самому себе», которое объединяет и отделяет субъект от объекта, идентичность от инаковости. До тех пор воспринимаемый и инвестируемый, не будучи субъективно признанным во внешнем виде, объект конституируется на второй стадии двойникового отношения, которое описано как другой субъект. То есть не только объект воспринимается и инвестируется как другой, отличный от субъекта, но он также распознается как другой субъект, наделенный своими собственными желаниями и намерениями, с дифференцированным и автономным психическим функционированием. Эта модификация отношения к инаковости вводит новую субъективную эру благодаря созданию нового отношения к объекту.

Но если эта новая конфигурация позволяет представить инаковость объекта и особенности, связанные с его субъективностью, это вовсе не приводит к исчезновению повторяющейся отсылки. По общему признанию, это больше не появляется на переднем плане сцены, но оно будет продолжать проявляться незаметно, в интернализированной форме психического зеркала, ответственного за рефлексивную связь субъективных переживаний субъекта.

Это означает, что объект может быть инвестирован как другой субъект и это инвестирование не будет угрожать непрерывности идентичности.

Наконец, позвольте нам добавить в заключение, что инаковость объекта, однажды допущенная и признанная в том, что он является внешним, может использоваться как зеркало его собственной инаковости благодаря поддержанию отношения двойниковости, признанию самого по себе другого Я.

Таким образом, символическая инаковость начинается с признания разницы между внутренней и внешней инаковостью, между внутренним и внешним, а также между Я и Я, между разными «моментами» самого себя.

Начиная с выделения двойного потока первичного нарциссизма и необходимости двойникового инвестирования в объект исследование форм неидентичности по отношению к себе, или инаковости, таким образом, нам кажется способным составить дополнительную ось для вхождения в мир.

Под вхождением в мир подразумевается процесс, посредством которого субъект приходит к построению своей идентичности, к размышлениям о себе, сначала в присутствии объекта, затем в отношениях с самим собой.

В данной части имеет смысл рассмотреть представление об инаковости в психике не только главной героини, но и психиатра. Можно считать правомерным, исходя из психоаналитического постулата, что психоаналитик (Поль, судя по фрагментам первичного интервью, работал в психоаналитическом подходе) является объектом для пациента. Прежде чем размышлять о том, каким объектом стал для Хлои Поль, важно ответить на вопрос, какого качества «другим субъектом» он был.

В фильме продемонстрирована сексуализация контакта, да и сам режиссер утверждал в интервью, посвященном этому фильму, что для того, «чтобы узнать человека, надо с ним переспать».

Тема сексуализации контакта представляется нам важной и актуальной на сегодняшний момент. Вот что писал на эту тему А. Грин (Грин, 2010, с. 275): «Наряду с различными формами сексуальности есть еще одна, на которую я хотел бы обратить внимание. Это форма сексуализации конфликтов, которые изначально не были либидинозной природы».

В клинической практике встречаются такого рода конфликты, при которых сложно говорить о полном отсутствии либидо. Встречаются конфликты, которые ставят в противоборство, например либидо нарциссическое и либидо объектное. При этом можно тем не менее утверждать,

что сердцевину проблем составляет главным образом не либидо объекта. Конечно, детальное рассмотрение показывало взаимосвязь между прегенитальными фиксациями и нарциссической проблематикой.

Грин выдвинул гипотезу, что, возможно, имела место некоторая трансформация, которая переносила в сторону либидо объекта то, что возникло в истоках нарциссизма. Однако эти формулировки слишком общие, что делает сложным их принятие. Он предложил рассмотреть случай пациента, у которого было бы констатировано, что либидинозная активность в основном проявляется в виде мастурбации, или которой показывает преобладание черт, относящихся к прегенитальности: главным образом анальных, так же как и оральных. Привязываясь более внимательным образом к его сексуальной и эмоциональной жизни, можно заметить, что объект в ней неполон. Даже если бы компаньонство или брак соединили его с субъектом, остается чувство, что объект, при том что он присутствует, не признается как таковой. Субъект «живет» с ним, это правда, но скорее рядом с ним. Ничто не указывает на то, что он разделяет с ним отношение близости или даже «непринужденности». Если подумать о качестве отношения между обоими партнерами, неизбежно рассматриваемом со стороны пациента, то трудно будет представить себе чувства, которые вызывает объект. Привязанность, конечно, есть, но какого типа? Часто это является зависимостью. Такого рода отношения трудно назвать любовью, поскольку кажется, что не хватает признания индивидуальности любимого объекта. Однако анализ позволит констатировать заметную эволюцию этого отношения с установлением связи, в которой можно уловить признаки нового типа обменов.

После фазы, в которой объект вызывает сильные чувства враждебности, он становится более полным, «объектуализированным», то есть признанным в своем собственном характере и в том, что делает из него уникальное существо, индивидуальность, и это признание обогащает связь, которая объединяет его с ним. Здесь Грин говорит о возможных возражениях, касающихся того, что даже если либидо аутоэротично, речь идет все же о либидо. Это напоминание классической теории оказывается недостаточным настолько, насколько аналитик, сталкиваясь с этой трудностью инвестировать объект, догадывается о деструктивности, которая не решает себя явно проявить. При малейшем конфликте почти инстинктивная реакция толкает к разрыву связи с объектом, чтобы предупредить выход из берегов, который породит соблазн даже больше, чем ненависти, – разрушения.

Какой интерес представляет для психоанализа эта сексуализация? Она открывает совершенно исключительным образом – дублируя связь переноса – отношение объекта. То есть именно анализ сексуальной связи является лучшим индикатором объектных способностей пациента. Господин такой-то, например, может иметь сексуальные отношения, только занимаясь любовью в пижаме, из всей поверхности своего тела задействуя лишь пенис для пенетрации в тело своей партнерши. Госпожа такая-то, хотя у нее удалена матка, должна, как во время, предшествующее ее удалению, идти мыться, чтобы избавиться от спермы, которую мужчина излил

в нее. Такой-то, хотя и находит удовольствие в своих сексуальных отношениях, не может не прибегать к сеансам порки с партнершей, которая на это согласна и была отобрана специально для этого, с которой у него мало эмоциональных связей, не сознавая при этом, что применяет к ней наказания, дозированные контролируемым образом, которые он адресует другим, с кем у него менее обезличенные отношения. Другой, хотя он и очень привязан к женщине, с которой живет, закрывается при малейшей фрустрации, откуда бы она ни происходила, и становится недоступным, лишенным теплоты, полностью изолированным, оставляя женщину биться в ужасном одиночестве и приводящем в отчаяние непонимании, что с ним происходит, или совершенно бессознательно ведет себя как садист. Можно бесконечно продолжать этот список. Однако во всех этих ситуациях Я ввело в действие некий процесс сексуализации, сталкиваясь с проблематикой по существу нарциссической. Эта сексуализация обнажает слабые стороны способности устанавливать отношение объекта, который признавал бы другое в другом и укрывал бы его от конфликтов, причиной которых он не является. Если перенос не позволил составить достаточно ясное мнение о предмете, то любовная связь делает очевидным то, что можно было бы лишь едва подозревать.

По этому случаю Грин упоминает идеи Мориса Буве, автора оригинальной теории связей объекта. Буве поставил в центр своей концепции идею приближения. Этот термин был заимствован из словаря псовой охоты, чтобы обозначить момент, когда добыча достигнута сворой собак. Он касался также момента переноса, когда после более или менее полного стирания всех запретов могла быть обнаружена новая связь. Это намекало не на какое-то излияние чувств, а на моменты, когда импульсивность могла выразиться более резким, то есть более свободным образом. Однако любовная связь, когда она не является ни объектом слишком большого количества проекций, ни источником избыточного количества страхов, является наиболее благоприятным обстоятельством для того, чтобы такое приближение имело место.

Нарциссическая хрупкость, угроза вторжения, страх быть оставленным после того, как субъект продемонстрирует свою зависимость объекту, страх показать себя незащищенным и другие мотивы того же порядка мешают возникновению такого приближения и вынуждают субъект оставаться сдержанным, то есть в своей нарциссической крепости. Тогда сексуальность – предполагается, что она разделена с другим – становится аутоэротическим отправлением, мастурбаторным распространением с функциональным объектом. Использованием объекта без взаимности и, во всяком случае, сведением объекта к частичному состоянию. Частичность здесь касается не столько сведения человека к объекту определенной эрогенной зоны, сколько лишенного эмоций способа сексуального отправления. Объект частичен в том качестве, в каком он претендует на то, чтобы отвечать функциям, вовлекающим совокупность, которая платит также свою дань бессознательному.

Грин пишет и о превращении партнера в лав машин, и о введении некоего очень удовлетворительного сексуального сценария одним из партнеров,

который ввел в действие такую машинерию. Очень удовлетворительно потому, что предполагается, что эмоциональное измерение связи разумеется само собой, без случайностей и непредвиденных обстоятельств. Оно отрегулировано заранее. Если оно не введено в связь, то его нельзя ощутить как отсутствующее. Это есть так, как есть, и это хорошо. Если не знать ничего другого, то этого достаточно, и это сохраняет необходимую защиту. Пока анализ не затрагивает нарциссическую основу отношения, главное не достигнуто. Здесь психоаналитик испытывает трудность: нужно ли интерпретировать в зависимости от линии объекта – по образцу переносной связи? Или нужно затронуть нарциссизм, что всегда может оживить рану, от которой страдает анализанд? В фильме, однако, показан третий путь, который предложил Озон и о котором Грин не упоминал. Аналитик просто отыграл сексуальные импульсы Хлои, за которыми крылись глубинные нарциссические конфликты.

Рассматривая образ психиатра Поля, можно сделать вывод и о дефицитности его представлений о символической инаковости. Можно сказать, что символическая инаковость предполагает, в отличие от воображаемой инаковости, признание субъектом независимой и чуждой инаковости, а также доступ к репрезентации отсутствия, другими словами, отказ от «представления всего». Именно этот предел позволяет субъекту представлять себе то, что он себе не представляет, представлять себе, что часть объекта и (или) его самого ускользает от него. В истории Поля и его пациентки имеется нежелание представлять нечто ускользающее и, соответственно, отреагирование со стороны психотерапевта.

С одной стороны, его рекомендует врач-гинеколог как хорошего психотерапевта, с другой же – он оказывается вовлеченным в эротический перенос и с удивительной быстротой переходит от терапевтических отношений к физической близости. Ниже приведен диалог из фильма, который наглядно продемонстрирует нам ту точку, где произошел провал и где работа пациентки и терапевта могла бы развиваться. Это отрывок из первого сеанса Поля и Хлои.

Хлоя: «Видимо сначала говорить должна я?»

Поль: «Если угодно»

Хлоя: «У меня, по-моему, всю жизнь болел живот. Я пробовала разные диеты, но без толку... Сказали, что причина психологическая, что живот – это второй мозг и что мне нужен психиатр. Мне 25 лет, я живу одна... у меня есть кот Мило. Я сейчас ищу работу, это нелегко, это стресс. Я говорю не то, что надо, и меня не берут.... По-моему, я совсем неспособна любить. У меня внутри как будто чего-то не хватает. Иногда я плачу без причины. Ну вот... думаете, вы сможете мне помочь?»

Поль: «Я думаю, эта боль говорит о том, что скрыто в вас. И мы попытаемся выяснить, что это».

Далее Хлоя является еще на два сеанса и рассказывает историю своей жизни. Учитывая, что фильм французский и в нем показан психоаналитический подход, можно смело предположить, что у Поля и Хлои проходят три первых диагностических сеанса. По правилам классического психоанализа обычно в конце третьего сеанса психоаналитически

ориентированный специалист предлагает кадр. Здесь же происходит нечто иное, что противопоставляется психоанализу. И это рушит психоаналитический процесс и наносит очевидный вред.

В финале третьей встречи Хлоя говорит о своем желании быть рядом с тем, кто готов ей помочь (то есть с Полем). Однако Поль молчит в ответ, хотя по идее он должен был бы обозначить условия психоаналитического контракта. Зато в начале четвертой встречи Поль признается Хлое в чувствах, мешающих проведению дальнейшей работы. Он не берет денег и не отпускает ее из кабинета после этих слов, удерживая ее руку при рукопожатии.

То, что зрителю предстает в этом эпизоде, являет собой грубую атаку на кадр, причем со стороны психотерапевта. А кадр в психоанализе, как известно, являет собой потенциальное иное пространство, место, где может измениться, обрести иной смысл судьба пациента.

Имея некоторые представления о терапевтическом процессе, можем представить себе, что при продолжении психотерапии с Полем у Хлои появился бы негативный перенос.

Предложив своей пациентке сексуальную связь, Поль, безусловно, смог его избежать, но вместо негативного переноса в отношениях Хлои и Поля появился активный, прогрессирующий и неустрашимый бред... Бред Хлои сначала о двойнике Поля, а потом и своем собственном.

По итогам наблюдений и анализа получается, что любая репрезентация двойника приводит нас к идее о смешении внешнего (телесного) и внутреннего (психического), смешении социальных ролей, отсутствию инаковости, то есть разницы.

На смешение внешнего и внутреннего режиссер намекает нам очень прозрачно одной деталью. В фильме гинеколога и психотерапевта, знакомую Поля, играет одна и та же актриса. Причем эта актриса играет психотерапевта, которая так и не стала лечить Хлою, потому что та к ней не обратилась...

Таким образом, у Хлои так и не появилось внутреннего объекта.

Инаковость объекта, однажды допущенная и признанная в том, что он является внешним, может использоваться как зеркало собственной инаковости субъекта благодаря поддержанию отношения двойниковости; это может дать возможность признания самого по себе другого Я и сделать психику более зрелой.

В фильме же психиатр ответил действием на слова пациентки о своих чувствах к нему, что лишило ее перспективы символической психической инаковости.

Ранее было сказано, что символическая инаковость дает возможность субъекту понять себя, сформировать символическое отношение к самому себе. Такое отношение отделяет субъект от объекта, одинаковость от инаковости.

Объект Хлои, мать, которая раньше могла бы быть признана во внешнем мире, но была, однако, недоступна, на второй стадии могла бы быть принята как другой субъект. То есть при нормальном развитии не только объект воспринимается и инвестируется как кто-то другой, отличный

от субъекта, но он также распознается как другой субъект, наделенный своими собственными желаниями и намерениями, с дифференцированным и автономным психическим функционированием. Все это для Хлои было, однако, невозможно. Но при благоприятном развитии событий эта модификация отношения к инаковости могла бы ввести новое субъективное измерение благодаря созданию нового отношения к объекту.

Следует отметить, что, если эта новая конфигурация позволяет представить инаковость объекта и особенности, связанные с его субъективностью, это вовсе не приводит к исчезновению повторения ранее пережитого. Это больше не появляется на первом плане внутренней сцены, но оно будет продолжать проявляться незаметно, в интернализированной форме психического зеркала, ответственного за рефлексивную связь субъективных переживаний субъекта. Как раз этого «зеркала» в психике Хлои не возникло. Вместо этого режиссер демонстрирует в финале разбитое «стекло» разницы между ней и ее близнецом.

Объект мог бы быть инвестирован как другой субъект, без угрозы непрерывности идентичности, но этого не произошло с главной героиней. По большому счету, фильм, на наш взгляд, демонстрирует провал представления о символической инаковости в психике Хлои и его последствия. Наблюдается отсутствие дифференциации «внутри – снаружи». И это ведет к невозможности субъективации.

Попробуем рассмотреть конкретные примеры отсутствия этой дифференциации.

Обращает на себя внимание тот факт, что Хлоя жалуется на соматическую боль, а не на психическую. Боль в животе – это был и соматический запрос к психиатру. И ответ от Поля последовал тоже телесный: он предложил Хлое сексуальную близость вместо понимания.

Дальше по ходу фильма мужчина в ее психике, в бреде, сначала стал извращенным насильником, а потом и вовсе пропал. Хлоя с ним разговаривает, но в ее представлениях его заменила собой Сандра, изнасилованная Полем и Луи, потерявшая возможность разговаривать и коммуницировать с миром. «...Коммуникация по всем направлениям соответствует отрицанию любой коммуникации, что противоположно неврозу, где кастрация... позволяет общаться с миром», – так описан процесс, который наблюдает зритель, в известном учебнике по психоаналитической патопсихологии под редакцией Бержере (Бержере, 2001, с. 244).

И этот процесс зависит от объекта, именно объект определяет, какого качества станет инаковость со временем. Качество инаковости может позволить субъекту отказаться от тождественности и тотальности в пользу уникальности и разнообразия или же, наоборот, привести к отчуждению всего инакового в пользу универсального порядка и мнимого культурного единства (Маркина, 2015).

Далее было бы резонным привести пример удачного формирования представления о символической инаковости. Такой пример, лаконичный и наглядный, наблюдается в сказке «Аленький цветочек»

(Аксаков, 2017). Отметим повторно, что переход к символической инаковости соответствует стадии уничтоженного и найденного двойника, о котором шла речь в первой части.

В сказке купец, потеряв все и попав в заповедное место, встречается того, у кого «было все», но сам обладатель «всего» как будто отсутствовал. Он был на деле тем, кто подарил аленький цветочек (очевидно символизирующий вагину) девушке. Этот некто был своего рода негативным двойником отца. В динамике сюжета «некто» оказывается «кем-то». Сначала – чудищем, обладателем аленького цветочка, а потом, в финале сказки, человеком – королевичем, женихом и мужем младшей купеческой дочки.

Итак, в сказке описано расставание с отцом, встреча с «ником», потом – никто становится «кем-то», точнее – чудищем. Далее следует расставание и даже «уничтожение» чудища. Девушка не появляется в его владениях вовремя, потому что ее не хотят отпускать из дома, стрелки часов переведены назад... И вот, после почти что гибели, возникает иное, а именно – чудище расколдовывается. Дочерью и отцом признается его символическая инаковость (что он страшен внешне, но добр душевно), и именно это обнаружение ведет к преображению, счастливому концу и к ощущению завершенности у читателя сказки.

Теперь вернемся к основному объекту нашего эмпирического исследования, к фильму. В финале фильма режиссер также создает некоторую иллюзию благополучия. Происходит диалог между Хлоей и матерью. Расставаясь возле больницы, мать говорит Хлое: «Я знаю, ты всегда на меня злилась, ведь меня никогда на было рядом. Но теперь я буду помогать всегда».

Очевидно, что мать как не говорила раньше, так и в заключительном эпизоде ни слова не говорит дочери о своих чувствах. В чем же может заключаться помощь несчастной Хлое, если не в этом? Описанный диалог дает основания предполагать, что, несмотря на красивые слова матери, для Хлои внутренний объект так остался «плохим», мать не проделывает работу горя. Ведь именно через этот эпизод экстренной операции явно обнаружилась вся степень невнимания и ненависти, которую испытывала мать Хлои во время беременности и младенчества главной героини.

«– Вы помните, что показывало УЗИ, когда вы были беременны?»

– Нет. Я очень поздно поняла, что была беременна. Хлоя не была желанным ребенком».

В итоге такого материнского отвержения становится понятно, что Хлоя в своей внутренней реальности родила свою мертвую сестру от воображаемого извращенца Луи, Поль ее совершенно не интересовал, и при половом акте с ним в финале фильма она галлюцинировала слияние с Сандрой, своим воображаемым близнецом...

Заключение

Данная публикация может быть полезна для психоаналитической работы с детьми, поскольку в ней подробно исследовано становление инаковости в тесной связи с отношениями матери и младенца. С другой стороны, современный материал, представленный в фильме, делает данное исследование применимым и для работы со взрослыми пациентами, имеющими нарциссическую проблематику.

На наш взгляд, инаковость в психоанализе представлена очень широко и может быть исследована на многочисленных клинических и литературных примерах. Нам пришлось ограничиться классическим психоаналитическим полем, хотя глубокие философские изыскания, а также материалы, представленные психологами других направлений, например юнгианской аналитической психологии или лакановского анализа, также заслуживают внимания. Данная тема видится нам как чрезвычайно перспективная для дальнейших исследований, сравнений и открытий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двучичный любовник. Фильм. <https://www.kinopoisk.ru/film/1038227/>.
2. Дюсметова Р. В. Комплекс Элвиса Пресли, или Синдром потери близнецом своей пары в раннем детстве, и возможности его // Психотерапия. 2007. № 6. (54). С. 5–8.
3. Жибо А. Символизация и психоз. О посреднической функции образа в индивидуальной психоаналитической психодраме. Уроки французского психоанализа. М.: Когито-Центр, 2007. С. 505–534.
4. Зуева Ж. В. Жуть отсутствия аналитика – переживание аффекта в работе с пациенткой с нарушением пищевого поведения // Журнал практической психологии и психоанализа. 2009. № 1.
5. Капсамбелис В. Психотическое функционирование: психоаналитическая патопсихология. Элементы психопатологии младенца. Психотическое функционирование. М.: Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах, 2013. С. 36–74.
6. Маркина В. Механизмы производства инаковости в дискурсе: теория и методология анализа (на примере одного кинотекста) // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1.
7. Оганов А. А., Хангельдиева И. Г. Многоликость инаковости в современной культуре. Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПбГУП, 2014. 592 с.
8. Психоаналитические концепции психосексуальности / Под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитоновна. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2010.
9. Руссийон Р. Работа символизации. [Электронный ресурс] // URL: <https://psychic.ru/articles/modern/modern11.htm> (дата обращения: 26.08.2023).

10. *Georgieff N.* (2007). Neurosciences en psychopathologie: une psychopathologie plurielle. In Roussillon, R. & al., Manuel de psychologie et de psychopathologie clinique générale. Paris: Masson. P. 534.
11. *Golse B.* (2010). Les destins du développement chez l'enfant. Paris: Erès. P. 22.
12. *Jung Johann* (2015) Le narcissisme primaire, le double et l'altérité. Dans, pages 77 à 86. Le narcissisme primaire, le double et l'altérité | Cairn.info.
13. *Prat Régine* (2014) Aux origines du narcissisme : le corps et l'autre. Nature des expériences relationnelles et corporelles précoces. Le rythme et le territoire. Dans Journal de la psychanalyse de l'enfant. 1 (Vol. 4), pages 25 à 59.
14. *Ribas D.* (2014). Presses Universitaires de France | «Revue française de psychanalyse» 1 Vol. 78 | pages 83 à 97.
15. *Roussillon R.* (2007). Manuel de psychologie et de psychopathologie clinique générale. Paris: Masson. P. 54–55.
16. *Smith R.* (1987). Lives of the twins. Simon & Schuster.

Alterity in psychoanalysis. The destiny of alterity in F. Ozon's film «Double Lover»

L. V. Zakharova

Zakharova Larisa V., Master of Psychology (NRUHSE), candidate of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), candidate of the International Psychoanalytic Association (IPA), culturologist (MGUKI).

This work is a psychoanalytic study of the concept of alterity. The author starts from the theory of René Roussillon, who considered alterity in the context of the infant's contact with the mother, linking it with the process of symbolization. Modern psychoanalysts have traced the trajectory of alterity from primary to symbolic. The analysis of the film by Francois Ozon "Double Lover" was carried out from the point of view of the formation and idea of alterity in the subject. Primary alterity in the film is illustrated by the phenomenon and history of the existence of a parasitic twin in the body of the main character, Chloe. Imaginary alterity as a variant of transitional alterity is also presented in the film proposed for analysis. The author described an example of imaginary alterity, accepted in the cultural tradition, and also several examples from the film, indicating splitting, the formation of delirium and the imaginary reality inherent in psychosis. Symbolic alterity in the film fails, as it is the result of failures in the previous stages of the development of the main character. The psychotherapist's refusal from the symbolic, that is, from treating Chloe with the help of words alone, and his transition to actions – to sexual connection – led to negative consequences.

Keywords: alterity, narcissism, subject, imaginary, symbolic, imaginary double.